

О ПРИМЕНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ПОКАЗАНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Т.Н. Секераж

ФБУ Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Министерстве юстиции Российской Федерации, г. Москва

В статье в продолжение дискуссии, начатой авторами Информационного письма «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» и актуализированной В.В. Николоком в статье «Письмо двенадцати», отмечается, что в настоящее время применение специальных знаний в аспекте, связанном с оценкой сведений, сообщаемых фигурантами уголовных дел, как в форме показаний, так и в иных процессуальных и непроцессуальных формах, претерпело некоторые изменения, на которые стоит обратить внимание.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовный процесс, доказывание, эксперт, специалист, оценка показаний.

Оценка показаний в уголовном процессе осуществляется согласно закону на основании принципа свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ [1]) и в соответствии с правилами, изложенными в ст. 88 УПК РФ, где закреплено, что «каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела». Несмотря на четкое указание в законе на субъекта, правомочного оценивать доказательства (судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель) (ч. 1 ст. 17 УПК РФ), на практике наблюдаются неоднократные случаи введения в этот ряд эксперта или специалиста. Такому положению дел способствует, с одной стороны, запрос от лиц, ведущих следствие, и, с другой стороны, предложения от представителей частного, негосударственного сектора судебно-экспертной деятельности.

Обратимся к недавней истории. Попытки введения несколько лет назад в судебно-экспертную практику по уголовным делам «экспертизы достоверности показаний» встретили сопротивление со стороны ученых и практиков, экспертов и юристов. В результате коллективной работы и дискуссий на различных уровнях было подготовлено Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» [11], которое утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и Ученым советом ФГБУ «НМИЦ психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского»

Минздрава России. Письмо вызвало интерес как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны правоприменения, а также экспертного и научного сообщества. В резюмирующей части Письма говорилось, в частности, о причинах, по которым экспертный подход к оценке достоверности показаний не может быть обоснованным: «Во-первых, он не соответствует закону. Согласно ч. 1 ст. 88 УПК РФ, “каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела”». Следовательно, *оценка достоверности* должна производиться в отношении *каждого доказательства в отдельности*, а все они оцениваются в совокупности друг с другом, чтобы оценить их *достаточность для разрешения дела*. К лицам, осуществляющим оценку доказательств, закон отнес дознавателя, следователя, прокурора и суд (ч. 3 и 4 ст. 88 УПК РФ). Эксперта в этом перечне нет. Во-вторых, предлагаемая авторами концепция “юридической” и “психологической” оценки достоверности показаний перекладывает оценку их содержательной стороны на экспертов, вопреки тому, что содержательную оценку каждого доказательства УПК РФ отнес к исключительной компетенции дознавателя, следователя, прокурора и суда. По логике авторов монографии ([4] – прим Т.С.), субъект, ведущий производство по делу, должен выявлять лишь факт противоречия показаний другим доказательствам, тогда как достоверность самих показаний определяют эксперты» [11]. Однако помимо процессуальных препятствий была подчеркнута невозможность «в настоящее время» установления достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной) объективно, на строго научной и практической основе, как того требует ст. 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Оговорка «в настоящее время» в контексте всего Информационного письма, в частности обоснования научной недостоверности предложенной методики, была воспринята излишне оптимистично и использована в качестве послышки для необходимости разработки научно обоснованной методики.

Так, поднятая проблема обсуждалась участниками Международной научно-практической конференции «Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей», которая проходила 16 марта 2017 года в Российском государственном университете правосудия при широком представительстве экспертного сообщества и судейского корпуса. Согласно резолюции конференции, устанавливая при производстве судебной экспертизы или исследования достоверность сообщаемых сведений (их соответствие действительности, реальность, искажения и т.п.) на современном этапе

развития науки и техники невозможно. Поставлена задача развивать исследования по использованию специальных знаний в целях помощи следствию в психологической оценке достоверности показаний и разрабатывать типовую экспертную методику [9].

Информационное письмо также рассматривалось на совещании в формате круглого стола в Главном управлении криминалистики Следственного комитета Российской Федерации 24 марта 2017 года. Участники совещания со стороны разработчиков Письма и особенно С.Н. Шишков на первый план выдвигали основной аргумент, заключающийся в том, что практика проведения таких экспертиз («достоверности показаний») разрушает фундаментальные основы теории судебных доказательств, однако в принятом Председателем СК России решении ограничения, связанные с назначением экспертиз «достоверности показаний», были мотивированы неразработанностью типовой экспертной методики. Было указано случаи назначения таких экспертиз «сделать исключительными и предусмотреть процедуру их обязательного согласования с Главным управлением криминалистики в целях определения в каждом конкретном случае альтернативных процессуальных способов участия специалистов-психологов в исследовании показаний участников уголовного судопроизводства».

Все эти обстоятельства привели к тому, что сегодня не прекращаются попытки назначения и проведения судебных психологических экспертиз, заключения по результатам которых содержат выводы о достоверности либо недостоверности показаний, даваемых участниками уголовного процесса (обвиняемыми, подозреваемыми, потерпевшими, свидетелями). Причем это делается как в явном виде (сообщается о «психологических признаках достоверности/недостоверности» показаний или сообщаемых сведений), так и в завуалированном (например, сообщается о «психологических признаках скрываемых обстоятельств и конструирования ложных сообщений»).

Проблема была вновь актуализирована известным процессуалистом В.В. Николюком [6], который обратил внимание на происходящую опасную «психологизацию» уголовного процесса, причины которой он обуславливает в том числе «недостаточным взаимодействием в данной сфере между психологами, соприкасающимися с уголовным судопроизводством, и учеными-процессуалистами. Элементарное непонимание природы процесса доказывания, который в основе своей имеет не только познавательную, но и жестко формализованную, удостоверительную составляющие, приводит к спорным, а зачастую и просто неверным выводам» [6, с. 83]. Критически оценив «лазейку» в виде «возможности разработки типовой экспертной методики», оставленную составителями Письма, автор усмотрел «его назначение – “притормозить”, “придержать” стихийно складывающуюся практику

назначения и производства экспертиз для определения достоверности показаний по видеозаписи следственных действий» и посетовал на отсутствие «официальной, нормативно выраженной позиции по данному вопросу у органов, реализующих функцию расследования преступлений и уголовного преследования (СК России, ФСБ России, МВД России; Генеральная прокуратура РФ), правосудия (Верховный Суд РФ)» [6, с. 87].

29 июня 2021 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановил, что «перед экспертом не могут быть также поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий, в том числе с применением аудио- или видеозаписи, поскольку в соответствии со статьей 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Полученное в суде, а также в ходе досудебного производства по уголовному делу заключение эксперта, содержащее выводы о юридической оценке деяния или о достоверности показаний допрошенных лиц, не может быть в этой части признано допустимым доказательством и положено в основу судебного решения по делу» [2]. Однако это не решает проблемы внедрения в уголовное судопроизводство научно обоснованных методик и подходов к экспертной оценке показаний (частных, «авторских» и др.) на стадии предварительного следствия. Не имея судебных перспектив, как отмечает В.В. Николюк, эта практика направлена на решение тактических задач досудебного производства, чем автор объясняет ее поразительную «живучесть и распространенность», и создает уникальную ситуацию «процессуально-психологического зазеркалья» [6, с. 87]. Вместе с тем отмечается, что в судебных актах все же допускаются ссылки на заключения экспертов о достоверности показаний [3].

Действительно, сегодня практика применения психологических знаний при раскрытии и расследовании преступлений именно в контексте оценки показаний (даваемых сведений), как в форме экспертизы, так и в форме участия специалиста (выносящего суждение по видеозаписи беседы, допроса или при личном участии в опросе – что практикуется специалистами, начиная от педагогов-психологов до инспекторов правоохранительных органов [5]), преимущественно не отвечает потребностям правосудия и не соответствует общепризнанным научным и практическим данным.

Так, в нашей практике немало случаев обращения со стороны следователей и адвокатов за помощью в оценке таких заключений экспертов или специалистов. В ряду очень важных проблем в рамках

данной статьи хочется обратить внимание на систему подготовки экспертов и регламентацию их деятельности.

Ввиду того, что экспертизы, не имеющие строгих научных основ, в государственных судебно-экспертных учреждениях не проводятся, они проводятся отдельными специалистами ряда образовательных учреждений, а также частными организациями или негосударственными экспертами, извлекающими коммерческую выгоду (в том числе различными так называемыми академиями детекции лжи и т.п.), которые помимо указанных методик применяют другие различные «авторские методики» (см., например, [8]), не прошедшие процедуры апробации, валидации и ратификации [7, 10]. Но сегодня закон не предъявляет к частным экспертам тех требований, которые существуют в отношении государственных судебных экспертов, а проверка компетентности частного эксперта производится часто по формальным основаниям (наличие дипломов, сертификатов и др.), чем частные эксперты обзаводятся в большом количестве. Оценить адекватно научную, гносеологическую составляющую при беспрецедентном наукообразии (по существу псевдонаучности) следователь и суд часто не имеют возможности. Представляется, что определенный порядок в этой сфере может быть наведен при принятии соответствующих нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность частных экспертов и негосударственных судебно-экспертных организаций так же строго, как это делается в отношении государственных субъектов судебно-экспертной деятельности.

Что же касается практики установления достоверности показаний, то она будет существовать как в явной, так в завуалированной форме (под видом установления коммуникативных особенностей лица, дающего показания, или установления «информационного состояния» лица, причем как по видеозаписям допросов, так и по видеозаписям проверки на полиграфе) до тех пор, пока будет существовать спрос, в связи с чем имеются все основания прислушаться к мнению В.В. Николюка о необходимости административного решения проблемы и к призыву авторов Информационного письма, хоть и несколько размытому рассуждениями о научной несостоятельности методических подходов, не вторгаться экспертам и специалистам в сферу оценки доказательств, посягая на ее свободу.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г., с изм. от 23.09.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума

Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам»
<https://www.vsrfr.ru/documents/own/30189/>

3. Исаенко В.Н. Экспертная оценка показаний в уголовном судопроизводстве // *Законность*. 2020. № 2. С. 55–59.

4. Енгальчев В.Ф., Кравцова Г.К., Холопова Е.Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий): монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 328 с.

5. Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чижова Д.С. Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве // *Психология и право*. 2019. Т. 9. № 4. С. 174–186 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi:10.17759/psylaw.2019090413>

6. Николук В.В. «Письмо двенадцати» о неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы в контексте российской модели уголовно-процессуального доказывания // В сб.: Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход. Материалы Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 80–88.

7. Плахина А. Критическое мышление против псевдонауки [Электронный ресурс] // Журнал «Записки следователя». 2021. № 2. С. 32–39 [Электронный ресурс]. URL: https://pressa.sledcom.ru/ZHurnal/Magazine-2-2021/full_release/

8. Пресс-релиз «К вопросу о экспертизе идеальной следовой информации» [Электронный ресурс]. М.: Центр интеллектуальных психофизиологических технологий «ЭКСПЕРТ», 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://expert-spfi.ru/k-voprosu-o-ekspertize-idealnoy-sledovoy-informatsii>.

9. Резолюция Международной научно-практической конференции «Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей» 16 марта 2017 года. РГУП, г. Москва // Судебно-психологическая экспертиза и комплексные судебные исследования видеозаписей: сб. науч. статей. М.: РГУП, 2017. С. 243–244.

10. Секераж Т.Н. Психологическое исследование аудио- и видеоматериалов, получаемых в ходе оперативно-розыскных мероприятий: организационные и методические аспекты. Теория и практика судебной экспертизы. 2021. Т. 16, № 2. С. 105–115 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2021-2-105-115>

11. Смирнова С.А., Макушкин Е.В., Аснис А.Я. и др. Информационное письмо «О неправомерности определения достоверности показаний путем судебной экспертизы» // Теория и практика судебной экспертизы. Научно-практический журнал. 2016. № 3 (43). С. 64–73 [Электронный ресурс]. URL: http://www.sudexpert.ru/publishing/2016/3_43_16.php

Об авторе:

СЕКЕРАЖ Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая лабораторией судебной психологической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (109028, Москва, Хохловский пер., д.13, стр.2), доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической

психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29), SPIN-code: 2446-6908, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

**ABOUT THE APPLICATION OF SPECIAL KNOWLEDGE
IN THE STUDY
OF TESTIMONY IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

T.N. Sekerazh

RFCFS of the Russian Ministry of Justice, Moscow

In the article, in continuation of the discussion initiated by the authors of the Information letter "On the illegality of determining the reliability of testimony by forensic examination" and updated by V.V. Nikolyuk in the article "Letter of the Twelve", it is noted that currently the use of special knowledge in the aspect related to the assessment of information reported by persons involved in criminal cases, both in the form of testimony and in other procedural and non-procedural forms, has undergone some changes that are worth paying attention to.

Keywords: *forensic science, criminal procedure, evidence, examiner, specialist, evaluation of testimony.*

About author:

SEKERAZH Tat'yana – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice (109028, Moscow, Khokhlovsky l., 13/2), associate Professor of clinical and forensic psychology faculty of legal psychology SBOU HPE «Moscow city psychological and pedagogical University» (127051, Moscow, Sretenka str., 29), SPIN-code: 2446-6908, e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru

Секераж Т.Н. О применении специальных знаний при исследовании показаний в уголовном судопроизводстве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С. 112–118.